

Известия Южного федерального университета.  
Филологические науки. 2022. Том 26, № 4  
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 82-343

ББК 83.3(7)

DOI 10.18522/1995-0640-2022-4-146-156

**ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОКИ «МОДЕЛИ ПИКМАНА»  
Г.Ф. ЛАВКРАФТА**

***Михаил Фёдорович Васильев***

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

**Аннотация.** Влияние британской низшей мифологии на творчество Г.Ф. Лавкрафта чрезвычайно мало изучено. На материале рассказа «Модель Пикмана» (Pickman's Model) можно проследить ряд отчётливых изоморфизмов между выведенными в произведении «упырями» и сверхъестественным народом фейри в фольклоре Британских островов: в их числе склонность похищать и подменять младенцев, териантропия, связь с загробным миром и безвременьем, паразитизм по отношению к человеческому социуму и связь с деятельностью ведьм. Последняя особенно интересна в свете устаревших антропологических теорий М. Мюррей, приверженцем которых был писатель. Кроме того, поднятая в рассказе проблематика эстетики ужасного, которую в буквальном смысле иллюстрирует заглавный герой-художник, оказывается уместнейшим образом совмещена с мифологемой фейри как вдохновителей и покровителей искусства. Тем самым выбор фольклорного материала предстаёт как тесно связанный со сверхзадачей произведения.

**Ключевые слова:** Г.Ф. Лавкрафт, М. Мюррей, хоррор, фейри, ведьмы, фольклор, мимезис

**Для цитирования:** Васильев М.Ф. Фольклорные истоки «Модели Пикмана» Г.Ф. Лавкрафта // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2022. Т.26. № 4. С. 146 – 156.

Original article

**ON FOLKLORIC SOURCES OF “PICKMAN’S MODEL”  
BY H.P. LOVECRAFT**

***Mikhail F. Vasiliev***

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

**Abstract.** British lower mythology's influence on H.P. Lovecraft works is understudied. Based on material from a short story “Pickman's Model” we may trace a number of distinct isomorphisms between the “ghouls” in the story and the supernatural people of fairies in British folklore, such as stealing and changing babies, therianthropy, connections with netherworld and timelessness, social parasitism and links with the activity of witches. The last point is especially interesting in terms of

M. Murray's outdated anthropological theories, highly favoured by Lovecraft. Beyond that, the problems of horror poetics raised in the story harmoniously intertwine with fairies' role as tutors and inspirers of art. Thus the choice of folkloric material is vital for the story's goals and poetics.

**Keywords:** *H.P. Lovecraft, M. Murray, horror, fairies, witches, folklore, mimesis*

**For citation:** *Vasiliev M. F. On Folkloric Sources of "Pickman's Model" by H.P. Lovecraft // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2022. Vol. 26. № 4. P. 146 – 156.*

## Введение

Говард Филлипс Лавкрафт (1890 – 1937) известен как один из наиболее значительных и оригинальных мифотворцев двадцатого века. Его литературная мифология оказала существенное влияние на творчество целого ряда авторов, и по сей день не теряя вдохновляющего потенциала [Елисеев, 2014, с. 277 – 279]. При всей своей уникальности и радикальной современности, однако, художественные построения Лавкрафта укоренены не только в современных ему научных достижениях и творчестве других писателей, таких как Лорд Дансейни [Елисеев, 2014, с. 17 – 20, 60 – 62], но и в подлинной фольклорно-мифологической традиции различных народов. Некоторые из подобных влияний, в частности греко-римский след, были детально изучены (см., например, [Luque, 2013, pp. 298 – 315; Quinn, 2011; Salonia, 2011]), тогда как другие остаются сравнительно незамеченными. Именно такой областью является британская низшая мифология – несмотря на отдельные упоминания (см., например, [Каминский]), никаких конкретных сопоставлений в этой области не производилось. В рамках настоящего исследования предпринята попытка продемонстрировать отчётливые следы её в мифотворчестве писателя.

Избранный для рассмотрения рассказ "Pickman's Model" (в различных переводах – «Модель Пикмана», «Модель для Пикмэна», «Натура Пикмена», «Натурщик Пикмэна», «Фотомодель Пикмана», «Фотография с натуры» [Лаборатория Фантастики, URL]), как правило, оценивается в общем корпусе текстов Лавкрафта сравнительно невысоко [Спрэг де Камп, 2019, с. 400 – 401; Nelson, 2018, p. 31], равным образом его положение внутри общей мифологической системы трактуется как в лучшем случае маргинальное [Джоши, 2018, с. 7]. Тем не менее, именно он был избран подходящим объектом рассмотрения, как аккумулирующий большое количество фольклорных мотивов в малом объёме. Ниже будет продемонстрировано, как указанные мотивы работают на поэтику и сверхзадачу произведения. При необходимости будут предприняты апелляции к иным произведениям Лавкрафта, эксплицирующим некоторые моменты, оставшиеся в «Модели Пикмена» непроговорёнными.

## Исследование и его результаты

В центре внимания рассказа – бостонский художник Ричард Аптон Пикмен / Пикман (Richard Upton Pickman), создатель полотен неоспоримого мастерства и скандального содержания. На большинстве из них в центре внимания некие существа, человекообразные и двуногие, однако с отчётли-

выми собачьими чертами, сильно сутулящиеся [Lovecraft, 2008b, p. 385], по меньшей мере одна из картин демонстрирует копыта [Lovecraft, 2008b, p. 388]. Как правило, на картинах они изображены едящими, и многочисленные фигуры умолчания ясно дают понять, что их диета – антропофагия; при этом они как разоряют могилы, так и атакуют живых [Lovecraft, 2008b, p. 385]. Наибольшее беспокойство вызывает у рассказчика реализм в изображении этих фантастических созданий, и обнаруженная в финале фотография подтверждает положение вещей, на которое намекал весь рассказ: Пикмен рисует неизвестных чудовищ с натуры [Lovecraft, 2008b, p. 390].

В пределах рассказа эти создания остаются без чёткого именования, рассказчик предпочитает использовать описательные выражения, такие как «безымянные человекопсы» (*nameless dog-like things*) [Лавкрафт, 2007, с. 114; Lovecraft, 2008b, p. 385]. Тем не менее, в самом начале, ещё до описания непосредственно сюжетов, дважды упоминается картина «Пир упырей» (Ghoul Feeding) [Лавкрафт, 2007, с. 109, 110; Lovecraft, 2008b, p. 381, 382], да и позже рассказчик описывает персонажей картин как «упырей и ведьм» (*ghouls and witches*) [Лавкрафт, 2007, с. 115; Lovecraft, 2008b, p. 386]. Этим же словом – «*ghouls*» – существа, с которыми общается Пикмен, именуются в повести “The Dream-Quest for Unknown Kadath” (в разных переводах «Сомнамбулический поиск неведомого Кадата»; «В поисках неведомого Кадата»; «В поисках Кадата неведомого»; «Сон о неведомом Кадате»; «Зов Кадафа Неведомого») [Лавкрафт, URL]. Само это слово, часто переводимое на русский как «упырь», происходит от арабского «(al-)ghul», обозначая злого духа – расхитителя могил и падальщика. Арабские сказки «Тысячи и одной ночи» были хорошо известны Лавкрафту с раннего детства; знал он и «Ватек» Уильяма Бекфорда, где данная лексема была введена в английский язык [Спрэг де Камп, 2019, с. 37; Etymonline; Lovecraft, 2008e, p. 1055 – 1056]. Это сближение давно уже отмечено лавкрафтоведением; однако в заметном небрежении оказался ряд других, которым мы и уделим теперь самое пристальное внимание.

Одна из картин, на которых останавливает внимание рассказчик, называется «Урок» («The Lesson») и изображает, как группа упырей на церковном кладбище учит человеческое дитя питаться их собственной пищей. В этом месте следует неожиданная ремарка: «Цена подменыша, полагаю – ты ведь знаешь старый миф о дивном народе, что оставляет своё отродье в колыбели в обмен на украденных ими человеческих младенцев» (*The price of changeling, I suppose – you know the old myth about how the weird people leave their spawn in cradles in exchange for the human babies they steal*) [Lovecraft, 2008b, p. 385, перевод наш]. Это замечание, не получающее в дальнейшем эксплицитного развития, проводит параллель между упырями и фейри, сверхъестественным народом в низшей мифологии Британских островов. Этот момент не удостоился в лавкрафтоведении должной разработки, меж тем как внимательное рассмотрение выявляет множество отчётливых изоморфизмов, демонстрирующих неслучайность данного указания.

На первый взгляд любого рода параллели между фейри и упырями кажутся сомнительными, поскольку само имя «фейри» (*fairy*), часто передавае-

мое на русский как «фея», сильно ассоциируется с золотым веком детской литературы в Англии [Silver, 1999, pp. 185 – 188] и в данном контексте лишено каких-либо мрачных или угрожающих коннотаций. Однако это результат длительной литературной обработки фольклорной традиции, изначально куда менее безоблачной. Обобщённая картина народных представлений выглядит следующим образом: под фейри понимается некий сверхъестественный народ или вид существ, живущий на периферии, за пределами освоенных человеком мест (под землёй, в лесу, в воде), и самим своим обликом демонстрирующий своё маргинальное положение; его представители чрезвычайно скрытны и склонны похищать людей из определённых групп (в том числе детей) в свою страну или состояние бытия [Briggs, 2002, p. 105, 110; Purkiss, 2000, p. 48; Westwood, Simpson, 2006, p. 776].

Мотив похищения – первая и самая очевидная параллель, обращающая на себя внимание. Похитив человеческое дитя, фейри оставляют на его месте так называемого «подменыша» (changeling) – именно это слово использует Лавкрафт. Как правило, это ребёнок самих фейри, хотя в некоторых сюжетах фигурируют древние старики этого народа или вовсе неодушевлённые объекты, которым чары придали видимость жизни. Подменыш уродлив, прожорлив и, как правило, не растёт, вечно оставаясь в колыбели – пока его не обменяют на настоящего ребёнка или он не умрёт, как в более архаических сюжетах [Волшебные существа..., 2005, с. 88 – 91; Михайлова, 2017, с. 52 – 55; Silver, 1999, p. 62, 75 – 76; Westwood, Simpson, 2006, p. 668]. Лавкрафт, однако, распоряжается судьбами обмененных детей иначе. Одна из картин демонстрирует молодого упыря в пуританском семействе (причём Пикмен придал этой картине черты автопортрета); ряд других демонстрирует, как каннибальская диета способствует перерождению украденных детей в новых чудовищ [Lovecraft, 2008b, p. 385 – 386]. Это важный нюанс, к которому надлежит вернуться позже.

Установив первое сходство, мы начинаем замечать и другие. Местом обитания фейри обычно указывается некая волшебная страна (Fairyland), расположение которой чаще всего мыслится подземным [Briggs, 2002, p. 14 – 15, 22, 26 – 27]. Многие её черты совпадают с представлениями о мире мёртвых в различных культурах: его отличают не только подземное местоположение, но и безвременье; пища этого региона запретна для смертного, если он хочет вернуться; характерно и то, что в валлийской мифологии Гвин ап Нудд мыслится равным образом правителем фейри и богом загробного мира [Silver, 1999, p. 41 – 43]. Мотив запретной пищи выше был уже рассмотрен, достаточно ясна и связь трупоедов с мертвецами. Значительная часть картин Пикмена изображает его персонажей под землёй – в катакомбах, подвалах, погребах и в метро [Lovecraft, 2008b, p. 386]. Наконец, обращение к «Сомнамбулическому поиску неведомого Кадата» демонстрирует, что упыри свободно перемещаются между кладбищами и подземными регионами мира снов – а, как демонстрирует повесть в других местах, эта фантастическая область далеко не везде подвластна ходу времени [Lovecraft, 2008c, p. 435, 445-446]. Таким образом, упыри оказываются буквальным образом обитателями под-

земной экстратемпоральной волшебной страны, и апелляция рассказчика к «weird folk» оказывается (в тайне от него самого) более мотивированна.

Ещё больший вес она получает, если мы обратимся к представлениям о внешнем виде. В фольклорной традиции облик фейри довольно изменчив, но чаще всего описывается как человеческий – или человекоподобный с определёнными изъянами. Под такими изъянами могут пониматься различные уродства, но чаще всего это те или иные звериные черты. Особенно часто речь идёт о звериных ногах или стопах – Д. Пёркисс аргументированно связывает эту черту с античными младшими божествами и демонами, трактуя её как маркер пограничного положения между мирами и акцент на телесный низ, звериную природу [Волшебные существа..., 2005, с. 31, Briggs, 2002, р. 46; Purkiss, 2000, р. 37]. Описанные выше полулюди-полусобаки с копытами на ногах прекрасно гармонируют с этим описанием, особенно если учесть постоянный акцент, который рассказчик придаёт их нечестивому поведению.

Связь собакоподобного вурдалака с мифологемой скрытого народа представляется тем более яркой и интересной, если учесть, что одно из архаических названий вампира в английском языке переводится буквально как «wolf-fairy» [Purkiss, 2000, р. 321]. Склонность к питию крови нередко приписываются фейри в северных регионах (напр., Шотландии или Гебридских островах), и в целом отношениях их с людьми часто описывают как зависящие, даже паразитические [Briggs, 2002, р. 113 – 114; Silver, 1999, р. 155, 177]. Для описания существ, буквально образом *подпольно* обитающих в большом городе, похищающих детей для пополнения собственной численности и сделавших источником рациона кладбища, этот термин представляется не менее уместным. Трудно судить, насколько правомочно прямое отождествление лавкрафтовских упырей с вампирами, но на некоторых картинах подобные существа изображены вцепившимися в горло спящим; а сам Пикмен, упоминая Коттона Мазера, жалеет, что никто его не проклял – или не высосал из него кровь [Lovecraft, 2008b, р. 583, 385].

Фигура Мазера закономерным образом подводит нас к истории Салемского процесса над ведьмами в 1692 г. Лавкрафт расценивал этот эпизод как один из ярчайших образчиков массовой истерии, порождённых нездоровым психологическим климатом пуританского Массачусетса [Lovecraft, 1971, р. 175 – 177], и неоднократно упоминал в своих произведениях. Частотны такие упоминания и в этом рассказе – а также критически важны для нашего исследования, как будет показано ниже.

Уже на ранних страницах упоминается, что Пикмен ведёт родословную из Салема, и в числе его предков была ведьма, повешенная в 1692 [Lovecraft, 2008b, р. 382]. В дальнейшем эта наследственность, ведьмовство и заклинание духов упоминаются в рассказе ещё неоднократно – как в монологе художника о его воззрениях на искусство, так и в сюжетах картин, где ведьмы нередко соседствуют с упырями. Особенный интерес вызывает изображение повешенной ведьмы, в чертах лица которой видно заметное сходство с упырьей физиогномикой [Lovecraft, 2008b, р. 385]. Этот момент можно трактовать по-разному: он может подразумевать, что ведьма была подкидышем (и тут возможны две дальнейших ветви спекуляции: либо за ведьм и колдунов

порой принимали отродье упырей, либо сама такая наследственность предполагает определённую склонность к подобному «ремеслу»), либо сама ведьма антропологически сблизилась с упырями в силу своей каннибальской диеты (как обсуждалось ранее в связи с похищенными детьми). Какая бы версия ни была верна, она намекает, что Пикмен биологически связан с персонажами своих картин даже в том случае, если не является, как намекает одна из них, подменным – через прапрапрабабку-ведьму.

Выше мы установили тесную ассоциацию между упырями и ведьмами – но аналогичная связь прослеживается между ведьмами и фейри в фольклоре. Очень часто в судебных процессах над ведьмами последние признавались не в сношениях с дьяволом, а именно в контактах с представителями «малого народца» [Purkiss, 2000, p. 85– 115]. Кроме того, традиция приписывает тем и другим удивительно сходные внешние характеристики, черты поведения и сверхъестественные преступления – среди последних похищение детей и контроль над урожаем [Silver, 1999, p. 175]. Первое мы уже обсудили в деталях; на втором следует остановиться подробнее. Эта параллель никак не отмечена в рассказе, однако она – в числе тех, что легли в основу книги Маргарет Мюррей «Культ ведьм в Западной Европе». В настоящий момент выдвинутая ею гипотеза не рассматривается наукой всерьёз, однако в своё время была весьма влиятельна. Будучи кратко сформулированной, она звучит следующим образом: на территории континентальной и островной Европы длительное время существовал подпольный языческий культ рогатого бога плодородия, чьи почитатели и почитательницы и вошли в фольклорную традицию христианского мира под именем колдунов и ведьм. Идейными же вдохновителями и хранителями этого архаического культа были некие пигмеи финно-угорского происхождения, скрытно обитавшие под землёй. Эти подземные обитатели будто бы и стали прототипом фольклорных фейри [Murray, URL].

Лавкрафт хорошо знал книгу Мюррей и неоднократно к ней апеллировал (самый ранний из вдохновлённых ею рассказов относится, как считается, к 1923 г. [Joshi, 2008b, p. 262], за три года до «Модели Пикмена»). Кроме того, он хорошо знал и высоко ценил произведения Артура Мейчена, ряд рассказов которого отражает сходную эвгемерическую трактовку «малого народца» в духе социального дарвинизма [Lovecraft, 2008e, p. 1089 – 1091]. Это воззрение чрезвычайно важно в свете общей материалистической философии Лавкрафта, которая на протяжении жизни всё сильнее проникала и в его прозу, вытесняя откровенно сверхъестественные объяснения и заменяя их наукообразными [Елисеев, 2014, с. 201]. Следы этого подхода можно обнаружить и в «Модели Пикмена», которую С.Т. Джоши называет «относительно традиционным рассказом о сверхъестественном» [Joshi, 2008a, p. 380]. Описывая зафиксированный на ряде полотен переход от человека к упырю, рассказчик прямо связывает его с эволюцией [Lovecraft, 2008b, p. 386]. Мотив упадка, регресса, инволюции отдельного человеческого существа и целых сообществ всегда занимал значительное место в творчестве Лавкрафта [Елисеев, 2014, с. 104; Luque, 2013, p. 7 – 8]. Ещё на первых страницах он устами одного из персонажей (изучающего сравнительную патологию и рассужда-

ющего об эволюционном значении психических и соматических симптомов) утверждает, что Пикмен постепенно меняется в ключе, который трудно назвать человеческим, и (предвосхищая дальнейшее развитие темы в рассказе) предполагает влияние неправильного питания [Lovecraft, 2008b, p. 381]. На последней странице, хоть и продолжая отстаивать художественный гений Пикмена, рассказчик признаёт правоту его оппонентов: живописец не был в полной мере человеком [Lovecraft, 2008b, p. 390].

Мотив художественной одарённости и гениальности в последний раз возвращает нас к рассматриваемой мифологеме. Во многих фольклорных сюжетах фейри рассматривались как учителя искусств и ремёсел – в первую очередь музыки, хотя порой и кузнечного дела [Волшебные существа..., 2005, с. 45 – 48]. В подобной же музической, инспираторной функции выступают для Пикмена упыри – но остаётся ответить на вопрос: почему живопись? Самый простой ответ – Лавкрафт перерабатывал концепцию уничтоженного рассказа о портрете чудовища [Rajala, 2011, p. 11 – 12] – следует отвергнуть как ничего не объясняющий: он оставляет в стороне вопрос, для чего было вводить столь тщательное переосмысление фольклора именно в этот рассказ? Романтический образ художника не от мира сего тоже едва ли может служить весомым аргументом, ибо Лавкрафт, как минимум на словах, выказывал сугубое презрение к романтизму [Lovecraft, 2014, p. 7]. Несмотря на то что большая часть его ранних произведений отмечена подражаниями Э.А. По и Лорду Дансейни, после 1923 г. писатель стал всё сильнее отходить от этих влияний, формируя собственный псевдодокументальный стиль [Елисеев, 2014, с. 16, 61, 108, 150].

Отчасти именно в этом возрастающем внимании к деталям и кроется разгадка. Сам Пикмен на протяжении рассказа последовательно описывается именно как строгий, научный реалист, всевозможным ухищрениям техники, стилизации и искажённой перспективе предпочитающий маниакально точную детализацию и правдоподобие – и, как отмечает рассказчик, от этого его картины производят только более ужасающее впечатление [Lovecraft, 2008b, p. 385, 387, 388]. Это более чем закономерно: как показал Дэвид Ким, мимезис и хоррор тесно связаны между собой. Стремление к полноте реалистической интерпретации нередко производит болезненное впечатление, вызывает в зрителе ужас и содрогание. Парадоксальным образом, отмечает исследователь, иллюстрируя этот тезис на примере посмертной маски, жизнеподобие и смерть порой оказываются теснейшим образом связаны. Любопытным образом исследователь сравнивает погоню за мимезисом с нисхождением в Ад [Kim, 2011, p. 349 – 353] – прямая параллель с риторикой, которую использует рассказчик Лавкрафта, говоря, что Пикмен «сумел влить адово пламя в свои краски» (*waked the fires of hell in pigment*), «<тонтал> пределы жизни, прячась в рывинах мифа и безумия» (*leaped the bounds of life into the pits of myth and madness*) [Лавкрафт, 2007, с. 114, 119; Lovecraft, 2008b, p. 385, 390]), несмотря на то что статья Кима рассматривает ренессансную живопись и никак не касается искусств двадцатого века.

Не удивительно, что упыри, эти кладбищенские фейри из рассказа о дарвинистском ужасе, становятся для Пикмена музами именно пластическо-

го, миметического искусства – искусства, чьими средствами лучше всего можно передать убедительный, напоминающий о жизни ужас; воплотить задачу, предельно близкую к эстетической установке самого писателя. Остаётся лишь определить – почему выбор пал на живопись и фотографию, а не на скульптуру (к которой Лавкрафт уже обращался в иных рассказах [Lovecraft, 2008a; Lovecraft, 2008d])? Что ж, роль фотографии очевидна – она служит финальным доказательством реальности всех подозрений относительно Пикмена, тем самым на ней держатся кульминация и развязка. И весьма очевидно, что фотография куда лучше подходит для переноса изображения на холст (будучи уже плоской), нежели для моделирования трёхмерного, скульптурного изображения. К тому же важным преимуществом живописного медиума в рамках рассказа является наличие фона, передающего множество дополнительной информации (как уже было рассмотрено выше).

### Заключение

Таким образом, мы видим, что мифологема «малого народа» успешно действует на множестве уровней рассказа и выступает одним из скрытых средств, позволяющих упрочить единство художественного эффекта. Различные её грани формируют облик заглавного персонажа, равным образом в момент действия и в историко-генеалогическом аспекте; отражаются как в темах и образах его искусства, так и в выборе медиума и средств; определяют поворотные точки сюжета и становятся поводом для изложения эстетической программы. Всё это свидетельствует не только о талантливой и демонстрирующей глубокое знание материала переработке фольклорного материала писателем, но и о кропотливой отделке писателем рассказа, который обычно причисляют ко второму-третьему эшелону его художественного наследия.

### Список источников

Волшебные существа: энциклопедия / под ред. Н. Горелова, Т. Шушлебиной. СПб.: Азбука-классика, 2005. 432 с.

Джоши С.Т. Предисловие // Чёрные крылья Ктулху. Истории из вселенной Лавкрафта. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018. С. 5 – 10.

Елисеев Г.А. Лавкрафт. Певец бездны. М.: Вече, 2014. 288 с.

Каминский А. Откуда пришел Ктулху? URL: <https://darkermagazine.ru/page/otkuda-prishel-ktulhu> (дата обращения 21.11.2021).

Лаборатория Фантастики: Г.Ф. Лавкрафт. URL: <https://fantlab.ru/autor82> (дата обращения 21.11.2021).

Лавкрафт Г.Ф. Натура Пикмена // Лавкрафт Г.Ф. Хребты безумия / пер. Ю. Соколова. М.: АСТ, 2007. С. 108 – 119.

Михайлова Т.А. Подменыши: фольклор и/или психопатология // Valla. 2017. №3(1). С. 52 – 60.

Спрэг де Камп Л. Лавкрафт: живой Ктулху. М.: Изд-во АСТ, 2019. 656 с.

Briggs K. The fairies in tradition and literature. London; New York: Routledge, 2002. XIII, 324 p.

Ghoul (n.) // Online Etymology Dictionary. URL: [https://www.etymonline.com/word/ghoul#etymonline\\_v\\_6063](https://www.etymonline.com/word/ghoul#etymonline_v_6063) (дата обращения 01.12.21).

*Joshi S.T.* Preface to «Pickman's Model» // *Lovecraft H. P.* The fiction. Complete and unabridged. New York, Barnes & Noble, 2008a. P. 380.

*Joshi S.T.* Preface to «The Festival» // *Lovecraft H. P.* The fiction. Complete and unabridged. New York, Barnes & Noble, 2008b. P. 262.

*Kim D.Y.* The Horror of Mimesis // *Oxford Art Journal*. 2011. Vol. 34, № 3. P. 335 – 353.

*Lovecraft H.P.* Hypnos // *Lovecraft H.P.* The fiction. Complete and unabridged. New York, Barnes & Noble, 2008a. P. 206 – 211.

*Lovecraft H.P.* Letters to Farnsworth Wright // *Lovecraft Annual*. 2014. № 8. P. 5 – 59.

*Lovecraft H.P.* Pickman's Model // *Lovecraft H.P.* The fiction. Complete and unabridged. New York, Barnes & Noble, 2008b. P. 380 – 390.

*Lovecraft H.P.* Selected Letters: in 5 vols. Sauk City, Wisconsin, Arkham House Publishers, 1971. Vol. III. 451 (+xxiii) p.

*Lovecraft H.P.* The Dream-Quest of Unknown Kadath // *Lovecraft H.P.* The fiction. Complete and unabridged. New York, Barnes & Noble, 2008c. Pp. 409 – 489.

*Lovecraft H.P.* The Tree // *Lovecraft H.P.* The fiction. Complete and unabridged. New York, Barnes & Noble, 2008d. P. 84 – 87.

*Lovecraft H.P.* Supernatural Horror in Literature // *Lovecraft H.P.* The fiction. Complete and unabridged. New York, Barnes & Noble, 2008e. P. 1041 – 1098.

*Luque J.L.P.* Communal Decay: Narratological and Ideological Analysis of H. P. Lovecraft's Fiction. Servicio de Publicaciones de la Universidad de Córdoba, 2013. 394 p.

*Murray M.A.* The Witch-Cult in Western Europe: A Study in Anthropology. URL: <https://libgen.is/book/index.php?md5=90F3422BC9434BC6A7EC887AF75C0657> (дата обращения 21.11.2021).

*Nelson D.* The Lovecraft Circle and the Inklings: The “Mythopoeic Gift” of H.P. Lovecraft // *Mallorn: The Journal of the Tolkien Society*. 2018. № 59 (Winter 2018). P. 18 – 32.

*Purkiss D.* Troublesome Things: A History of Fairies and Fairy Stories. London: Allen Lane; [S. l.]: The Penguin press, 2000. XII, 356 p.

*Quinn D.* Endless Bacchanal: Rome, Livy, and Lovecraft's Cthulhu Cult // *Lovecraft Annual*. 2011. № 5. P. 188 – 215.

*Rajala J.-M.* Locked Dimensions out of Reach: The Lost Stories of H.P. Lovecraft // *Lovecraft Annual*. 2011, № 5. P. 3 – 90.

*Salonia J.* Cosmic Maenads and the Music of Madness: Lovecraft's Borrowings from the Greeks // *Lovecraft Annual*. 2011. № 5. P. 91 – 101.

*Silver C.* Strange and Secret Peoples: Fairies and Victorian Consciousness. New York, Oxford University Press, 1999. 288 p.

*Westwood J., Simpson J.* The Lore of the Land: A Guide to England's Legends from Spring-Heeled Jack to the Witches of Warboys. London [et al.]: Penguin Books, 2006. IX, [1], 917 p.

### References

Briggs K. (2002) *The fairies in tradition and literature*. London; New York, Routledge, XIII, 324 p.

Eliseev G.A. (2014) *Lovecraft. A poet of abyss*. Moscow, Veche, 288 p. (In Russian).

Ghoul (n.). Online Etymology Dictionary. Available at: [https://www.etymonline.com/word/ghoul#etymonline\\_v\\_6063](https://www.etymonline.com/word/ghoul#etymonline_v_6063) (accessed 01.12.21).

Joshi S.T. (2018) Preface. *Black Wings of Cthulhu. The stories from Lovecraft's universe*. Moscow, Inostranka, Azbuka-Attikus, pp. 5-10. (In Russian).

Joshi S.T. (2008a) Preface to «Pickman's Model». Lovecraft H.P. *The fiction. Complete and unabridged*. New York, Barnes & Noble, p. 380.

Joshi S.T. (2008b) Preface to «The Festival». Lovecraft H.P. *The fiction. Complete and unabridged*. New York, Barnes & Noble, p. 262.

Kaminsky A. (2015) *Where did Cthulhu originate?* Available at: <https://darkeromagazine.ru/page/otkuda-prishel-ktulhu> (accessed 21.11.2021). (In Russian).

Kim D.Y. (2011) The Horror of Mimesis. *Oxford Art Journal*, vol. 34, no. 3, pp. 335-353.

*Laboratory of Speculative Fiction. H.P. Lovecraft*. Available at: <https://fantlab.ru/autor82> (accessed 21.11.2021). (In Russian).

Lovecraft H.P. (2008a) *Hypnos*. Lovecraft H. P. *The fiction. Complete and unabridged*. New York, Barnes & Noble, pp. 206-211.

Lovecraft H.P. (2014) Letters to Farnsworth Wright. *Lovecraft Annual*, no. 8, pp. 5-59.

Lovecraft H.P. (2007) *Pickman's Model*, transl. Iu. Sokolov. Lovecraft H.P. *At the Mountains of Madness*. Moscow, AST, pp. 108-119. (In Russian).

Lovecraft H.P. (2008b) *Pickman's Model*. Lovecraft H.P. *The fiction. Complete and unabridged*. New York, Barnes & Noble, pp. 380-390.

Lovecraft H.P. (1971) *Selected Letters*: in 5 vols. Sauk City, Wisconsin, Arkham House Publishers. Vol. III, 451 (+xxiii) p.

Lovecraft H.P. (2008c) *The Dream-Quest of Unknown Kadath*. Lovecraft H.P. *The fiction. Complete and unabridged*. New York, Barnes & Noble, pp. 409-489.

Lovecraft H.P. (2008d) *The Tree*. Lovecraft H.P. *The fiction. Complete and unabridged*. New York, Barnes & Noble, pp. 84-87.

Lovecraft H.P. (2008e) *Supernatural Horror in Literature*. Lovecraft H.P. *The fiction. Complete and unabridged*. New York, Barnes & Noble, pp. 1041-1098.

Luque J.L.P. (2013) *Communal Decay: Narratological and Ideological Analysis of H.P. Lovecraft's Fiction*. Servicio de Publicaciones de la Universidad de Córdoba, 394 p.

*Magical beings: Encyclopedia*, ed. By N. Gorelov, T.Shushlebina (2005). Saint Petersburg: Azbuka-klassika, 432 p. (In Russian).

Mikhailova T.A. (2017) Changelings: folklore and/or psychopathology. *Valla*, no. 3(1), pp. 52-60. (In Russian).

Murray M.A. *The Witch-Cult in Western Europe: A Study in Anthropology*. Available at: <https://libgen.is/book/index.php?md5=90F3422BC9434BC6A7EC887AF75C0657> (accessed 21.11.2021).

Nelson D. (2018) The Lovecraft Circle and the Inklings: The "Mythopoeic Gift" of H.P. Lovecraft. *Mallorn: The Journal of the Tolkien Society*, no. 59, pp. 18-32.

Purkiss D. (2000) *Troublesome Things: A History of Fairies and Fairy Stories*. London: Allen Lane; [S. l.]: The Penguin press, XII, 356 p.

Quinn D. (2011) Endless Bacchanal: Rome, Livy, and Lovecraft's Cthulhu Cult. *Lovecraft Annual*, no. 5, pp. 188-215.

Rajala J.-M. (2011) Locked Dimensions out of Reach: The Lost Stories of H.P. Lovecraft. *Lovecraft Annual*, no. 5, pp. 3-90.

Salonia J. (2011) Cosmic Maenads and the Music of Madness: Lovecraft's Borrowings from the Greeks. *Lovecraft Annual*, no. 5, pp. 91-101.

Silver C. (1999) *Strange and Secret Peoples: Fairies and Victorian Consciousness*. New York, Oxford University Press, 288 p.

Sprague de Kamp L. (2019) *Lovecraft: Cthulhu alive*. Moscow, AST, 656 p. (In Russian).

Westwood J., Simpson J. (2006) *The Lore of the Land: A Guide to England's Legends from Spring-Heeled Jack to the Witches of Warboys*. London [et al.]: Penguin Books, IX, [1], 917 p.

**Сведения об авторе:**

**Васильев Михаил Федорович** – аспирант, кафедра истории зарубежных литератур, филологический факультет, st064694@student.spbu.ru

**ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-1961-4489>

**Information about the Author**

**Mikhail F. Vasiliev** – post-graduate student, Faculty of Philology, Department of the History of Foreign Literature, st064694@student.spbu.ru

**ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-1961-4489>

***Статья поступила в редакцию 11.08.2022; одобрена после рецензирования 29.09.2022; принята к публикации 29.09.2022.***

***The article was submitted 11.08.2022; approved after reviewing 29.09.2022; accepted for publication 29.09.2022.***